

ЕГО больше нет. Некому утешить, убедить, что синий троллейбус подберет в ночи всех, потерпевших крушение. Некому учить, как не пропасть поодиночке.

Умер великий советский поэт. Не русский, не грузинский, не армянский. Именно советский. Сын грузина и армянки Булат Окуджава говорил и писал только по-русски, потому что его мать, говорившая и по-грузински, и по-азербайджански, не говоря уже об армянском, всех гостей, приходивших в дом вне зависимости от их национальности, просила: «Пожалуйста, говорите на языке Ленина». Только в стране, именовавшейся Советским Союзом, отца могли расстрелять как врага народа, а сына послать на войну этот народ защищать.

Распевая и слушая его песни, мы долго не представляли себе, как выглядит этот человек. Зато хорошо знали его голос, и даже когда стало можно его снимать и показывать, Окуджава все равно редко появлялся на экране. Возможно, его ждет посмертная судьба русского поэта **Аполлона Григорьева**. Кто сегодня может сказать, как выглядел этот человек, умерший 130 с гаком лет назад? А между тем, его цыганские романсы поют и поют: «Эх раз, еще раз, еще много, много раз...» **Ради песен Окуджавы мы покупали свои первые магнитофоны.**

Все остальные барды, как бы велики они ни были - **Высоцкий, Галич, Визбор, Ким** и другие - появились потом. Они, может быть, были сильнее в политике, но он все-таки был первым. И это он открыл нам маленькую дверцу к свободе. Ведь на магнитофон можно было записать что хочешь и не слушать то, что насильно вдувало в уши казенное радио и телевидение. «Счастлив дом, где голос скрипки наставляет нас на путь и вселяет в нас надежды, остальное - как-нибудь». С конца 50-х наши дома были чуть более счастливы, потому что в них звучали голос и гитара Окуджавы. Потом его песни запели профессиональные певцы и артисты в фильмах и спектаклях: «Звезда пленительного счастья», «Белорусский вокзал», «Белое солнце пустыни». Спойте хоть одну строчку из любой песни, которые звучат в этих фильмах, и вам подпоет вся страна, именовавшаяся когда-то СССР. Смолк тихий голос Булата Окуджавы...

ПОКОЛЕНИЯ, которым он пел, перестали слушать песни и занялись каждым своим делом, а он уехал из Москвы в Переделкино, боролся там с комарами и болезнями, вспоминал уехавших и умерших, писал стихи и прозу про свою жизнь - сначала от руки, потом перепечатывал на пишущей машинке, а к компьютеру, который мог бы облегчить этот процесс, относился с недоверием. **Говорил:** «...Я ничего не понимаю в компьютерах. Мне несколько раз объясняли, что на нем легче исправлять, но я должен видеть, что я ис-

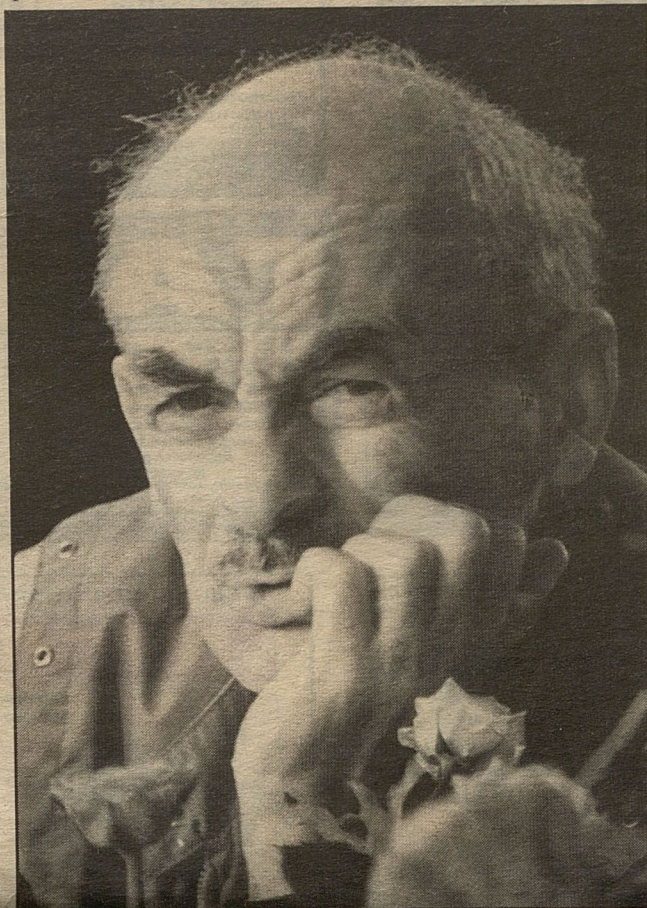

Фото Бориса Кремера

правляю. Поэтому я пишу шариковой ручкой, зачеркиваю... Утешаю себя тем, что Моцарт пользовался клавишным, и ничего... хорошую музыку писал». Как дачник настоящий, он копался на грядках, слушал внутри себя стихи, искал мелодии. Стихи приходили, мелодии - нет. **Говорил:** «Видимо, это возраст?.. А может быть, они больше не нужны...» Собирали колокольчики, развешивал их в комнатке, где писал, показывал: «Вот этот Белла подарил... вот этот - из Болгарии привезли...» (колокольчиков было много, он помнил историю каждого). Курил одну сигарету целый день. Гасил ее в крохотной пепельнице, таком тюльпанчике на ножке, снова закуривал, снова гасил. **Говорил:** «Я экономлю. Но, конечно, не сигареты, а - ха-ха-ха - свое здоровье. Врачи сказали: «Будешь курить - умрешь...» Я сказал: «Не буду курить - еще раньше умру!...»

Молва приписывала ему в друзья поэтов и писателей с громкими именами, а он смеялся и говорил: «Чтобы дружить с ними, нужно много пить, а я столько пить, сколько они, не могу». Лучшим своим другом он считал не какого-то писателя или артиста, а инженера-теплотехника, жившего по соседству, с которым общался много лет.

ГОВОРИЛ: «...Однажды мне вдруг неожиданно предложили поехать в Соединенные Штаты по приглашению нескольких университетов. Я полагал, что поездка будет заключаться в том, что я буду читать свои стихи.

Очень обрадовался, собрался... Наконец накануне отлета, вечером, мне позвонили и сказали, что я лечу, чтобы читать лекции о современной литературе... Я никогда в жизни лекций не читал... м-м-м... да и не готов... но, в полумертвом состоянии от страха, говорю: «Хорошо!» Потому что уж очень не хочется отказываться от такой поездки. Лечу в самолете и чувствую, что я сейчас в обморок упаду от ужаса. Прилетел - меня встречают профессора, сажают в машину, везут... Я говорю: «Куда же мы едем? В гостиницу?» А они говорят: «Нет, вы знаете, самолет немного опоздал, поэтому мы едем прямо в университет. Там уже ждут...» Приехали. Сидят аспиранты, студенты, профессора, очень тепло меня встретили... Я им честно сказал: «Я не смог отказаться от поездки и наврал, что буду читать лекции... Но я ничего не знаю. Поэтому... раз уж я прилетел... то я от страха придумал: я буду вам подробно рассказывать свою биографию. Если вас это устроит...» Они сказали: «Да-да, устроит...» И я им пятнадцать дней рассказывал... Ну конечно, я им рассказывал не только о себе, вообще о нашей жизни, о том, как я был пионером, школьником, как воевал, как меня ранило и как я лежал в госпитале...

Конечно, вам я пятнадцать дней не буду рассказывать, но очень коротко расскажу... Что было на войне?.. Ничего хорошего там не было. Я пошел на нее добровольно, после девятого класса, мне было 17 лет... Когда я сейчас смотрю на семнадцатилетних, мне даже дико представить, что вот я вот таким вот, с тоненькой шейей, с кривыми ножками - пошел солдатом на фронт... Я сейчас вспоминаю себя смешным, очень смешным, все время смешным - хотя тогда все было, конечно, очень трагично.

Ну, я старался делать то, что мне полагалось. Хотя было все очень трудно... **Он говорил:** «После фронта, после университета, меня отправили в Калужскую губернию, в деревенскую школу, учителем русского языка и литературы... Я писал стихи, понемножечку, как все пишут стихи... Очень непрофессионально. Стал посылать их в областную калужскую газету и все время получал ответы: «Читайте побольше Пушкина, Лермонтова, Некрасова...» А я сам же был учителем и, ко-

нечно, читал Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Но стихов моих не печатали. Потом однажды я сам туда приехал и зашел в редакцию. Они спросили: «Как ваша фамилия?.. Окуджава?! Как хорошо! (запомнили они за год мою фамилию!) Ну принесли что-нибудь новенькое?..» Я им дал те самые стихи, которые они возвращали. И их опубликовали. Я получил маленький гонорар, но был очень доволен... Мне казалось, я достиг уже самых больших высот. У меня даже почитатели в Калуге появились, человек восемь. Что еще нужно?..

Я сначала писал такие стихи, чтобы они никого не раздражали - ни редакторов, ни публику... Очень удобные были стихи. Я писал ко всем праздникам, ко всем временам года... Всех устраивало. Хотя где-то червячок сомнения жил. Я понимал, что что-то это все очень легко и не совсем то, что должно было бы быть... Потом переехал в Москву, вернулся...»

Говорил: «Однажды мне захотелось одно из своих шуточных стихотворений спеть под аккомпанемент. Я знал три аккорда... Вот теперь прошло с тех пор 27 лет, я знаю семь аккордов, а тогда - три... Я спел, друзьям понравилось... да и мне понравилось. Тогда я второе стихотворение спел, третье... Магнитофон тогда появился. Я пел у друзей, магнитофон записывал, потом переписывал кто-то, это стало расходиться... Каждый вечер мне кто-нибудь звонил, приглашали в незнакомый дом, и так я года полтора ездил по вечерам по Москве, пел... Постепенно начался скандал. Композиторы меня ненавидели. Певцы презирали. Гитаристы были в ужасе от меня... И так это продолжалось, пока не выступил в прессе один очень крупный поэт и не сказал: «Успокойтесь, это не песни. Это просто способ исполнения своих стихов». И действительно, все успокоилось. Каждый занялся своим делом... А потом я стал взрослым человеком, а потом уже и постарел... Давайте я вам лучше песенку спою - ту, первую...

Просто на память вам... Останется потом... «За что ж вы Ваньку-то Морозова?.. Ведь он ни в чем не виноват...»

В последние годы журналисты спрашивали у него, как у пророка: «Скажите, в чем смысл жизни?»

Но про это он не говорил.

В материале использованы фрагменты интервью Булата Окуджавы журналистам «АиФ» в 1989, 1993, 1995 г. и запись с его концерта в Дубне в 1983 г., хранившаяся в архиве одного из авторов.

Мария ВАРДЕНГА,
Яна ЗУБЦОВА,
Дмитрий МАКАРОВ

Мудрый человек живет
лишь до тех пор,
пока его жизнь
имеет большую цену,
чем его смерть.
Дж. Эллиот

Окуджава Булат Шах Фролович

06.94